

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2026.90.93.007

Религия и этнос: самосознание татарского народа в проблематике татарской философской мысли 19 века

Громов Егор Валерьевич

Кандидат философских наук, доцент,
Заведующий кафедрой философии и социологии,
Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: gromove@mail.ru

Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ)

Аннотация

Статья посвящена разработке проблемы национального самосознания татарского народа в татарской религиозно-философской мысли восемнадцатого-девятнадцатого веков. Автор показывает постепенное формирование данной проблемы в философии ранних татарских религиозных реформаторов. Несмотря на то, что татарские философы на протяжении долгого времени не ставили напрямую вопрос об особой национальной идентичности татарского народа, дополняющей исламскую религиозную идентичность, необходимость решения проблем, специфичных для российской уммы, приводила их к этноориентированности разрабатываемых философских концепций и создавало почву для постановки вопроса о национальном самосознании.

Для цитирования в научных исследованиях

Громов Е.В. Религия и этнос: самосознание татарского народа в проблематике татарской философской мысли 19 века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 3А. С. 173-180. DOI: 10.34670/AR.2026.90.93.007

Ключевые слова

Национальное самосознание, иджитхад, калам, джадидизм, А. Утыз-Имяни, А. Курсави, Ш. Марджани.

Введение

Девятнадцатый век занимает особое место не только в истории татарской религиозной философии, но и в истории татарской духовной культуры в целом. Именно на девятнадцатый век приходятся наиболее сложные и многообразные процессы, связанные с культурным самоопределением не одного татарского, но и всех тюркоязычных исламских этносов России. Важную роль в этих процессах играло становление самобытной религиозно-философской традиции, у истоков которой стояли А. Утыз-Имяни и А. Курсави. Именно в контексте данной традиции национальное самосознание татарского народа впервые не просто проявило себя, но и заговорила языком философской теории. Важную роль в этом сыграла постановка татарскими мыслителями вопроса о соотношении национальной и религиозной идентичности в мировоззрении российских мусульман. Если до девятнадцатого столетия образованная часть российских мусульман рассматривала себя, прежде всего, как часть мирового исламского религиозного единства, то в девятнадцатом столетии наряду с религиозным самоотождествлением всё с большей силой заявляет о себе национальное. В контексте его осмысления возникает и целый ряд новых для татарской религиозной мысли вопросов – о исторической судьбе татарского народа, о его культурном и историческом предназначении, о его месте в исламском мире и о его отношениях к России и российской истории. В то же время, когда основоположники российской историософии решали вопрос о месте русского народа в мировом историческом процессе, независимо от них формировалась собственная историософская традиция и в контексте татарской мысли.

Основная часть

Татарская философия девятнадцатого века развивалась в совершенно специфических условиях. Теоретическим субстратом для её формирования послужили два мощнейших направления исламской мысли: с одной стороны – калам, который усваивался татарскими богословами в ходе обучения в медресе Самарканда и Бухары, с другой – тасаввуф, распространявшийся в среде российских мусульман начиная со Средневековья и к концу восемнадцатого века завоевавший прочные позиции в культуре исламских народов Поволжья. Эти же источники питали и философию других исламских регионов, но татарская философская культура формировалась в особом культурно-политическом контексте. Начиная с шестнадцатого столетия мусульманские общины Поволжья и Приуралья существовали в политическом пространстве православного Российского государства. Это означало, в первую очередь, невозможность применения на практике большей части норм шариата как действенного средства регулирования общественных отношений. Для исламской мысли это обстоятельство весьма существенно, поскольку калам – а именно он был в рассматриваемую эпоху её доминирующим направлением – по преимуществу представляет собой систему комментирования Корана и хадисов именно в юридическом контексте. Решение возникающих проблем исламского сообщества, определение законности тех или иных поступков, регламентация обрядовой практики были и оставались важнейшей целью толкования священных текстов, но многие выводы мутакаллимов не могли быть реализованы, поскольку все инструменты государственного и административного принуждения находились в руках инорелигиозной власти.

Вместе с тем, российской умме пришлось сталкиваться и с такими проблемами, которые

были неизвестны в остальном исламском мире восемнадцатого – девятнадцатого веков и при решении которых, соответственно, опыт и авторитет богословов прошлых веков оказывался недостаточным. В первую очередь это была проблема противостояния проповеди христианства, опиравшейся на силу того самого государства, подданными которого были российские мусульмане [Бурханов, 2025]. При всей малоуспешности этой проповеди, она воспринималась исламскими богословами как одна из важнейших угроз религиозной, а затем и национальной идентичности мусульманских этносов России. При этом в большинстве исламских регионов мира в эту эпоху такая проблема просто не могла возникнуть, поскольку в них (главным образом, в пределах Османской империи) именно христиане находились на положении этнорелигиозных меньшинств, зачастую гонимых, и не только агрессивная, но и просто открытая проповедь христианства в них была невозможна. Во-вторых, гораздо более серьёзную, хоть и не столь очевидную опасность представляло собой культурное влияние западнохристианского мира, в наиболее тесное соприкосновение с которым исламские общины вступали именно на российской почве. Если до последних десятилетий восемнадцатого века российские мусульмане имели дело преимущественно с носителями традиционной допетровской русской культуры, хорошо им знакомой ещё до завоевательных походов Ивана Грозного, то на рубеже веков началось активное проникновение в исламские регионы России европейской культуры эпохи Просвещения, к встрече с которой исламская мысль не была в тот момент готова. Эта культура, с одной стороны, несла с собой огромное количество неизвестных до того технических и научных достижений, с другой – в отличие от предшествовавших ей моделей европейской культуры она была по преимуществу секулярной. Это предполагало резкое сокращение влияния религиозных ценностей на общество и общественную идеологию, с сохранением за религией лишь роли морального авторитета и одного из государственных учреждений. Именно образец государственно-религиозного учреждения, своего рода государственного идеологического департамента был представлен в созданном Петром первым Святейшем Синоде, руководившем начиная с 1721 года жизнью тех самых русских православных общин, бок о бок с которыми существовала российская умма. С его влиянием секулярные идеи Просвещения проникали в религиозную жизнь русского народа, что создавало реальную угрозу их проникновения и в среду российских мусульман [Юзеев, 2020, с. 171]. Если проповедь христианства грозила отпадением от ислама некоторой их части, то распространение секулярной идеологии могло привести к тому, что значительная масса носителей ислама, оставаясь формально верующими, фактически окажется потеряна для религиозной жизни. Третья угроза, с которой не приходилось сталкиваться мусульманским богословам за пределами России – угроза прямых гонений на ислам со стороны иносрелигиозной власти – в Российском государстве имела, большей частью, лишь локальный и вероятностный характер, но не считаться с ней российские исламские мыслители также не могли. Несмотря на то, что гонения против мусульман составляли лишь отдельные эпизоды истории российской уммы, эпизоды эти были вполне реальны, и угроза их повторения постоянно довлела над мусульманами России. Даже регулярно повторяемые запрещения духовных властей Русской Православной церкви прибегать к насилию ради обращения мусульман в христианство [Редкозубов, 2015, с. 987-988] не могли гарантировать от эксцессов, как возникающих по вине ревнителей на местах, так и намеренно создаваемых представителями администрации с целью вымогательства. Наконец, повседневная религиозная жизнь российской уммы ставила перед татарскими богословами целый ряд проблем, связанных с исполнением обрядовых предписаний ислама в среде христианского государства. Это обстоятельство не несло в себе такой угрозы национально-

религиозной идентичности, как предыдущие, но, в отличие от них, оно проявлялось непрерывно, и затрагивало каждого российского мусульманина.

Все эти факторы сказались в той или иной мере на постановке и решении всех проблем татарской философской мысли восемнадцатого – девятнадцатого веков, в том числе и на разработке проблемы национального самосознания. Непосредственным стимулом к постановке этой проблемы послужило всё усиливавшееся начиная с второй трети девятнадцатого столетия вовлечение исламских народов Поволжья как в экономическую, так и в политическую и социальную жизнь России. С началом экономического роста, стимулированным крестьянской реформой 1861 года, экономические контакты между русскими и татарскими предпринимателями начинают стремительно активизироваться. С началом Туркестанских походов поволжские, и, прежде всего, татарские мусульмане активно привлекаются русскими властями для организации административного управления в завоёванных областях [Терентьев, 2022, с. 294-311]. В крупных городах России возникают многочисленные общины татар-мусульман, заполняющих ряд социальных и профессиональных ниш. Развитие исламоведческих и востоковедческих исследований в России влечёт за собой усиление контактов между российской исламской интеллигенцией и российскими учёными-гуманитариями, носителями православного или секулярного мировоззрения. Наконец, ослабление цензурного гнёта в 1860-х годах и вызванный им взрывной рост количества доступной социально-философской и публицистической литературы на русском языке открывал возможность для знакомства с актуальным состоянием не только русской, но и западноевропейской мысли.

Всё это влекло за собой более тесную, чем в предыдущие эпохи, интеграцию российских мусульман в интеллектуальное пространство Российской Империи, а, следовательно, и ускорение диффузии идей и проблем в рамках этого пространства. Одной из этих идей, к тому времени давно разрабатываемых в западноевропейской духовной культуре, и прижившихся на русской почве, была идея особой национальной идентичности, отличающейся от идентичности религиозной и дополняющей последнюю. С этой идеей было тесно связано представление об особом национальном самосознании, одновременно связывающем воедино представителей нации и отделяющем их от представителей иных наций. Примечательно, что в эту же эпоху, совершенно независимо от татарской философии, вопрос о национальном самосознании начинает разрабатываться и в русской религиозно-философской мысли, в контексте дискуссии между славянофилами и западниками, что свидетельствует об актуальности данной проблемы не только для исламских этносов России, но и для всего российского общества в целом.

Ещё одним фактором, обусловившим обращение татарских религиозных философов-просветителей к проблеме национального самосознания стало своеобразное распределение традиционных производств между исламскими этносами России, сложившееся к концу восемнадцатого века. В рамках этого распределения, в частности, сформировались комплексы местных кустарных промыслов, обеспечивавших существование исламских общин. Так, для многих казанских татар источником средств к существованию служила выделка кож, производство, связанное со определёнными обрядовыми предписаниями. В процессе этого производства мусульманам приходилось работать со шкурами животных, первичную обработку которой производили иноверцы, что ставило вопрос о возможности соблюдения ритуальных требований, касающихся чистоты, прежде всего – вопрос об омовении этих шкур. Таким образом, решение религиозно-обрядовой проблемы – традиционная область применения исламской философии – оказывалась тесно связана с экономическим бытием конкретного

исламского этноса России, и решения, предлагаемые для данной проблемы, формально касающиеся всех мусульман, фактически оказывались актуальны лишь для данной этнокультурной общности, что также способствовало постановке вопроса о национальном самосознании татарского народа религиозными философами-просветителями [Юзеев, 2001, с. 194].

Первые татарские религиозные философы подходили к проблеме национального самосознания именно в контексте разработки вопроса о сохранении религиозной идентичности российскими мусульманами [Амирханов (науч. ред.), 2000, с. 97-98]. В частности, именно в этом контексте вопросы, касающиеся соблюдения обрядовых предписаний ислама, ставил на рубеже восемнадцатого - девятнадцатого веков один из первых реформаторов татарской религиозной философии А. Утыз-Имяни. В его произведениях, посвящённых обрядовой практике ислама в условиях инорелигиозного государства, вопрос о национальном самосознании татарского народа не ставится как таковой. Более того, единственная идентичность, рассматриваемая в трудах Утыз-Имяни - идентичность религиозная, причём все мусульмане России предстают в них как единый народ с общим самосознанием, входящий в более крупную общность – мировое исламское единство. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что большая часть проблем, поднимаемых Утыз-Имяни в его произведениях – проблема омовения шкур, проблема употребления чая – актуальны, прежде всего, если не исключительно, для того этноса, к которому принадлежал сам просветитель – для казанских татар. Сама постановка Утыз-Имяни вопроса об иджитхаде, ставшего впоследствии важнейшей проблемой татарской религиозной философии, осуществлялась именно в контексте этих проблем, что с самого начала придавало ей этноориентированный характер [Юзеев, 2001, с. 194]. Именно недостаточность существовавшей каламической традиции для решения вопросов, с которыми сталкивались мусульмане в ходе повседневной жизни в православном государстве, приводила к необходимости самостоятельного, без опоры на чрезмерно сложную систему комментариев и субкомментариев к священным текстам, выносить суждение о действительном значении требований религии в сложившейся ситуации.

В трудах более поздних татарских религиозных философов проблемы, связанные с особой идентичностью татарского этноса среди исламской общности, получили дальнейшее раскрытие, в том числе, в контексте проблемы иджитхада. Для А. Курсави основной сферой применения иджитхада является суждение о религиозных новшествах. Собственно новшества – это нововведения в жизни исламской общины, имеющие религиозное значение. Курсави решительно различает новшества полезные и вредные. Вредные новшества – те, которые приводят к искажениям сути ислама [Юзеев, 2001, с. 102]. Полезные – те, которые способствуют выживанию и развитию исламской общины в меняющихся условиях. К полезным новшествам Курсави относит не только традиционные для ислама деяния, такие, как строительство медресе и написание книг, но и просвещение народа, позволяющее ему занять достойное место в современной цивилизации. Напрямую не ставя проблемы национального самосознания, Курсави тем не менее, оказал значительное влияние на её разработку в татарской философии. Курсави высказывает мысль, о необходимости формирования исламской интеллигенции, которая сохраняла бы верность своей религии и этнической традиции, но была бы, в то же время, вооружена всеми культурными достижениями Просвещения и могла бы стать для своего народа центром, вокруг которого должна формироваться его культурная идентичность. Хотя речь идёт, в данном случае, о интеллигенции, самоопределяющейся по религиозному признаку, Курсави подразумевает, что ядро этой интеллигенции могут и должны составлять именно татары, и что

именно с татарского народа должно начаться обновление национального самосознания мусульман России. Концепция интеграции исламской общины в современный мир, выдвинутая Курсави, была в дальнейшем не только разработана, но и частично реализована крупнейшим из плеяды татарских религиозных философов-реформаторов Ш. Марджани. Именно в трудах Марджани проблема национального самосознания татарского народа, прежде существовавшая в контексте иных проблем татарской философии, была поставлена как самостоятельный комплекс подлежащих разрешению вопросов. Марджани не отделяет сохранение религиозной идентичности российской исламской общины от сохранения национальной идентичности татарского народа. Однако, он выступает против замыкания татар в собственной культурной среде. Религиозный изоляционизм глубоко чужд Марджани, напротив, он настаивает на более полной интеграции татар, и вообще, российских мусульман, в не только экономическую жизнь Российской Империи, но и в её социальное, политическое и культурное бытие [Юзеев, 2001, с. 160-162]. Самозамыкание этноса, по его мнению, неизбежно ведёт к его вытеснению из всех сфер жизни общества, а затем - и к ассимиляции, неизбежно сопряжённой с утратой именно тех традиций, которые сторонники культурной изоляции желали бы сохранить. Идеи Марджани были в дальнейшем разработаны его преемниками – представителями джадидизма, в рамках которого вопрос о национальном самосознании татарского народа получил всестороннее развитие [Ибрагимов, 2018, с. 14-15].

Заключение

Таким образом, в татарской религиозной философии восемнадцатого – девятнадцатого веков проблема национального самосознания татарского народа разрабатывалась, преимущественно, в контексте проблемы его религиозной идентичности. Воспринимая свой народ, прежде всего, как часть мировой исламской общности, татарские религиозные реформаторы, тем не менее, остро воспринимали недостаточность тех средств, которые могли предложить доминировавшие в исламе религиозно-философские традиции для решения тех специфичных проблем, с которыми сталкивались татары-мусульмане при существовании в социально-экономической, политической и культурной среде инорелигиозного государства. Это предопределило этноориентированность предлагаемых ими подходов к толкованию священных текстов ислама и позволило создать необходимую базу для постановки вопроса о национальном самосознании татарского народа в конце девятнадцатого века.

Библиография

1. Бурханов, Р. М. Ислам и государство: взаимодействие в Российской империи XVIII века / Р. М. Бурханов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 5 (556). — С. 327-329. — URL: <https://moluch.ru/archive/556/122405>.
2. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. – Казань, 2018. – 104 с. ISBN 978-5-93091-269-2.
3. Очерки истории татарской общественной мысли [Текст] / Научный редактор Р.М. Амирханов. Казань, Татар. кн. изд-во, 2000. 191 с. с илл. ISBN 5-298-00782-1.
4. Редкозубов А.Д. Ислам в Российской империи// Гуманитарное пространство. Международный альманах ТОМ 4, № 5, 2015. С. 987 – 994.
5. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трёх томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, В.Г. Соколов. – М.: АИРО-XXI, ИП Секачёв В.Ю., 2022. – 556 с.
6. Юзеев А.Н. Татарская философия: общее и особенное (Средневековье). // Ислам в современном мире. 2020. № 16(3) С. 81 - 92. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2020-16-3-81-92>

7. Юзеев, А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII-XIX вв. / А.Н. Юзеев – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 192 с. ISBN 5-298-00996-4.

Religion and Ethnos: Self-Consciousness of the Tatar People in the Problematics of Tatar Philosophical Thought of the 19th Century

Egor V. Gromov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy and Sociology,
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Elabuga, Russian Federation;
e-mail: gromove@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the elaboration of the problem of national self-consciousness of the Tatar people in Tatar religious and philosophical thought of the 18th–19th centuries. The author shows the gradual formation of this problem in the philosophy of the early Tatar religious reformers. Despite the fact that Tatar philosophers for a long time did not directly raise the question of a special national identity of the Tatar people complementing Islamic religious identity, the need to solve problems specific to the Russian ummah led them to an ethno-oriented character of the philosophical concepts being developed and created the ground for raising the question of national self-consciousness.

For citation

Gromov E.V. (2026) *Religiya i etnos: samosoznanie tatarskogo naroda v problematike tatarskoy filosofskoy mysli 19 veka* [Religion and Ethnos: Self-Consciousness of the Tatar People in the Problematics of Tatar Philosophical Thought of the 19th Century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (3A), pp. 173-180. DOI: 10.34670/AR.2026.90.93.007

Keywords

National self-consciousness, ijtihad, kalam, Jadidism, A. Utyz-Imyani, A. Kursavi, Sh. Marjani.

References

1. Burkhanov R.M. (2025). Islam i gosudarstvo: vzaimodeystviye v Rossiyskoy imperii XVIII veka [Islam and the State: Interaction in the Russian Empire of the 18th Century]. *Molodoy uchenyy*, 5(556), 327-329. Available at: <https://moluch.ru/archive/556/122405>
2. Ibragimov M.I. (2018). *Natsional'naya identichnost' tatarskoy literatury: sovremennyye metody issledovaniya: ocherki* [National Identity of Tatar Literature: Modern Research Methods: Essays]. Kazan. ISBN 978-5-93091-269-2.
3. Amirkhanov R.M. (ed.) (2000). *Ocherki istorii tatarskoy obshchestvennoy mysli* [Essays on the History of Tatar Social Thought]. Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. ISBN 5-298-00782-1.
4. Redkozubov A.D. (2015). Islam v Rossiyskoy imperii [Islam in the Russian Empire]. *Gumanitarnoye prostranstvo. Mezhdunarodnyy al'manakh*, 4(5), 987-994.
5. Terentiev M.A. (2022). *Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii. V tryokh tomakh. Tom 3* [History of the Conquest of Central Asia. In Three Volumes. Volume 3] (Introductory article, references and comments, name and geographical indexes by G.A. Bordyugov, A.G. Makarov, V.G. Sokolov). AIRO-XXI, IP Sekachyov V.Yu.

6. Yuzeev A.N. (2020). Tatarskaya filosofiya: obshcheye i osobennoye (Srednevekov'ye) [Tatar Philosophy: General and Particular (the Middle Ages)]. *Islam v sovremennom mire*, 16(3), 81-92. DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-3-81-92.
7. Yuzeev A.N. (2001). *Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII-XIX vv.* [Tatar Philosophical Thought of the Late 18th–19th Centuries]. Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. ISBN 5-298-00996-4.